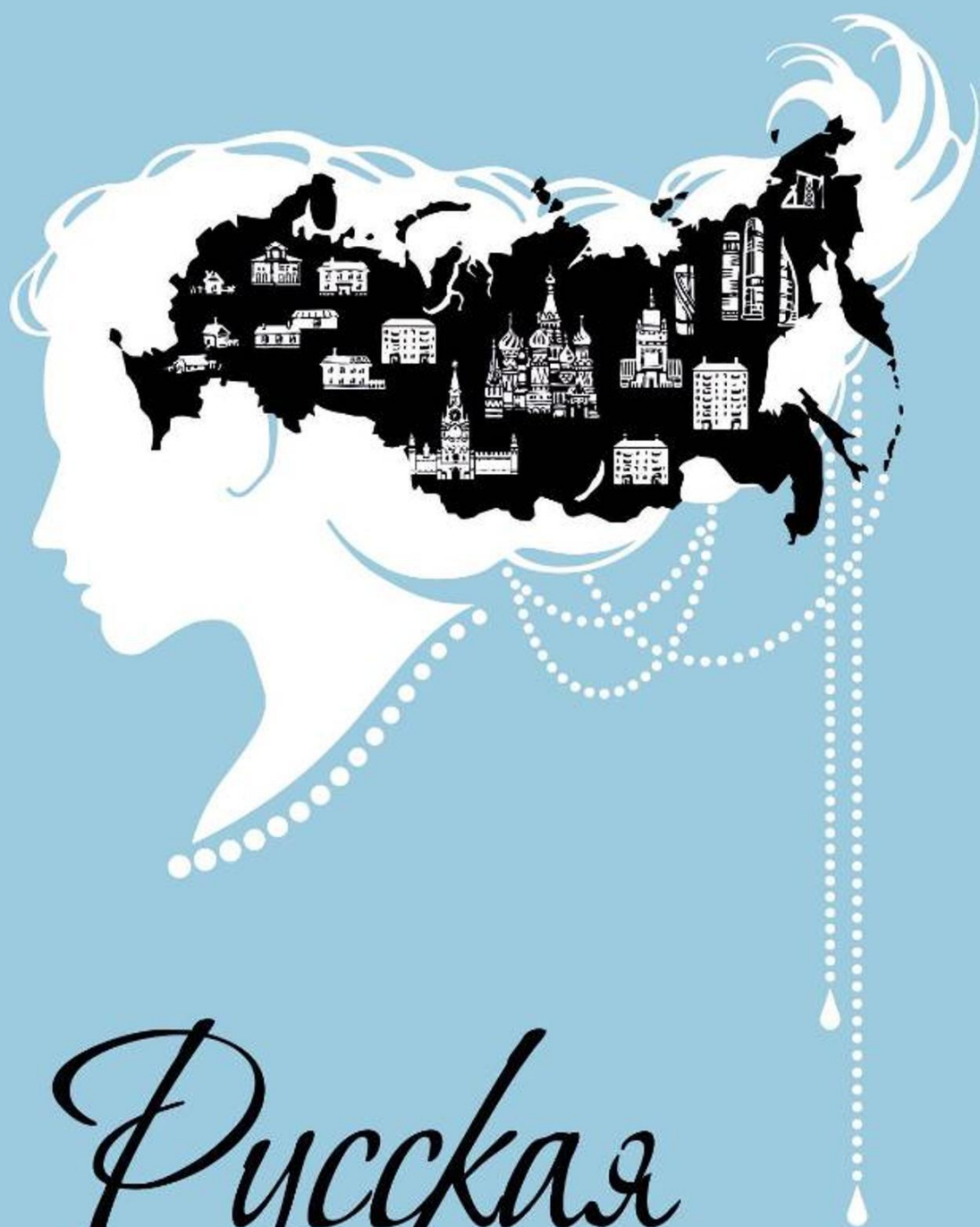

Анна Хасаткина

Русская
Надежда

18+

Анна Касаткина
Русская Надежда

«Автор»

2026

Касаткина А.

Русская Надежда / А. Касаткина — «Автор», 2026

Моей маме посвящаю! Это биография русской женщины Надежды, которая, несмотря на все тяготы и испытания судьбы, сумела украсить свою короткую жизнь любовью и простыми семейными радостями. Она ни на минуту не расставалась с надеждой, с нашей русской надеждой на светлое будущее России, где будут жить её дети. История основана на реальных событиях, наполненная магией и чудесами вселенной.

© Касаткина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Февральская ночь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анна Касаткина

Русская Надежда

Глава 1 Февральская ночь

Предисловие

Я читала письмо и плакала. Плакала по-детски, крупными слезами, прижимая листок к лицу. От слёз он был мокрым и мятым, а буквы стали размываться и исчезать. Вдруг я поняла, что текст письма, моего дорогого и долгожданного, буква за буквой пропадает. Судорожно я впивалась в остатки послания. Однако, как бы я ни вглядывалась, не могла запомнить написанное. Почти в бессознательном состоянии, положив листок к себе на колени, я долго смотрела на мамин красивый почерк. В моей голове стучала мысль, я должна, обязана это запомнить, но память не подчинилась разуму. Осталась самая малость – посвящение к письму. Там было написано: *«Любимой женщине Всевышнего»*.

Холодный пот и слёзы текли по моим щекам. Я проснулась и ещё долго не могла понять, что со мной произошло: мне приснился сон или я действительно получила письмо от мамы, моей дорогой, любимой мамочки?.. Это был сон. Сон наяву.

Мама умерла давно, больше 20 лет. Она снилась мне, беседовала со мной, но никогда не звала. Говорят, это хорошо. Сны приходили ко мне из ниоткуда, как будто ангел спускался... Я – её младший и любимый ребёнок. Когда случилась трагедия, мне было 16 лет. Все эти годы мне её так недоставало. Её доброго и улыбающегося лица, её рук, длинных и ласковых. Её шуток и любви к детям. Я тогда не понимала, как это можно любить каждую кроху, тем более чужую. А она любила их так искренне, что дети на расстоянии чувствовали её и с удовольствием, увлечённо слушали её сказки. И вот спустя столько лет мне пришло письмо. Пусть во сне, главное – от неё. Написано её размашистым почерком. И я, лёжа на диване, старалась вспомнить смысл послания, но тщетно, только посвящение крутится в моей голове, только написан он совсем другим почерком. Может быть, это знак. Думаю, неспроста я не помню весь текст. Встаю, иду в ванную, гляжусь в зеркало, а на душе такая пустота. Почему сейчас, почему не раньше, почему я не могу ни о чём другом больше думать. Стоя перед зеркалом, вспоминаю вчерашнюю ссору с мужем и задаю себе вечный вопрос: что делать? И в голове сразу ответ: ничего, надо жить дальше с любимым и учиться прощать. А может, мама хотела мне дать совет? Не знаю, ничего не знаю. Но почему-то чувствую, что пропустила нечто важное в своей жизни. Я всегда думала: мама особенная, уникальная даже, будто с другой планеты. Мне так хотелось быть всегда рядом с ней, дотрагиваться до неё. Это как закон, который нельзя нарушить. Однако я никогда не стану такой, как она, и мне очень жаль. Дети похожи на своих родителей, но тут не случилось...

С тех пор минуло много лет. Я повзрослела и, пройдя трудный путь, полный потерь и неудач, поняла, что жизнь быстротечна и мы любыми способами хотим её продлить. Живём и умираем с надеждой, с нашей русской надеждой на то, что Россия встанет с колен, а наши дети будут жить намного лучше нас. Но главное, чего все мы хотим под занавес нашей жизни, даже те, не верующие в Бога, – это **стать любимыми для Всевышнего**.

Глава 1

Ребёнок никак не хотел жить, слабое, синего цвета обмякшее тельце висело у врача на руках. За окном выла метель, и в этом был какой-то зловещий знак. Надя, уставшая и обессиленная, лежала на кушетке и не смотрела, где находился её новорождённый малыш. Со стороны казалось, что ей безразлична судьба младенца. Молоденькая медсестра суетливо шныряла туда-сюда.

– Тётя Надь, чё лежишь как не живая, у тебя ребёнок не плачет, а она отвернулась. Тебе что, её совсем не жалко, у тебя же есть дети, как ты можешь? – девушка негодовала.

– Что с ней? Если совсем слабая, то хоть бы умерла. У меня и так уже трое ребятишек есть, – ответила бесцветным голосом роженица.

– Ууууууууууу, – завывала медсестра Тоня и убежала на крик доктора.

Алевтина Сергеевна кричала и ругалась матом. Она была крупной, даже здоровенной, русской женщиной, той, которая коня на скаку остановит и в горящую избу войдёт. Она работала в роддоме уже больше 15 лет и каждого ребёнка в смену принимала сама. С виду никто бы не поверил, что она врач. Одевалась скромно, даже плохо. Её всегда узнавали по чёрной блузке с длинными рукавами и старушечьей серой юбке. Однако говорили, что она доктор от Бога. Своих детей не было, поговаривали, что в 16 лет с ней случилось несчастье. Как-то Аля задержалась в школе на редколлегии и поздно возвращалась домой. Ничто не предвещало беды. Она шла в хорошем настроении, улыбаясь прохожим. Сегодня у неё получилась очень красивая стенгазета. Аля рисовала с детства, и талант не остался незамеченным. В пятом классе на конкурс лучших художников она представила копию «Моны Лизы», и стала главным художником школы. ...Мужчину Аля заметила в последний момент. Он набросился на девочку и, зажав ей рот, потащил в подвал. Грязно надругался и быстро скрылся, а Аля долго ещё лежала на бетонном полу... Следы от насилия она смыла под колонкой на соседней улице, а вернувшись домой, ничего не рассказала родителям, просто тихо проплакала всю ночь. На вопрос мамы, что с её формой, Аля криво улыбнулась и ответила, что на спор с мальчишками лазила на дерево, но не удачно, упала, порвала фартук и исцарапала руки и ноги. Мама немного поругалась, заштопала одежду, и на утро уже про случай не вспоминали. Все, кроме Али... Позже девочка поняла, что беременна. За помощью она обратилась к двоюродной тётке, сестре отца, старой деве, любившей её как родную. Тётя Люся обо всём позаботилась, так, чтобы никто ни о чём не узнал, даже запретила обращаться в милицию, иначе страшная тайна стала бы известна всем. После аборта сказали, что во время операции возникли осложнения и, возможно, у неё не будет детей. Так и случилось. Прошло много времени, но ненависть ко всей мужской половине человечества не ослабла, поэтому и в свои сорок пять лет Аля была не замужем. Зато ребятишек любила очень и свою нерастрченную материнскую любовь и заботу без остатка отдавала им, только родившимся крохам. За это её уважали и ценили как коллеги, так и мамашки. Наверное, по случайности или по велению судьбы, но и в третий раз именно ей пришлось принимать роды у Нади. Первые два раза были быстрыми, и детки родились большими и здоровыми. Сейчас всё по-другому. Роды были тяжёлыми, ребёнок обвит пуповиной и никак не мог освободиться и выйти наружу. Алевтине Сергеевне пришлось повозиться, чтобы вытащить младенца на свет Божий. Она делала искусственное дыхание и растирала ребёнка. Но тщетно, даже после этого он был бездыханным и синего цвета.

– Ёпэрэсэтэ, ты будешь кричать или нет?! Быстро таз с ледяной водой, быстро, Тонька, быстро! Уже две минуты как неживая, – врач кричала во всё горло, так, что её было слышно у главврача в соседнем здании. Тоня бегом наполнила таз и, расплёскивая воду, бежала навстречу доктору. Алевтина Сергеевна, окунала ребёнка в воду и шлёпала по синей попе. Раз, два, три, шлёп, шлёп...

– Хоть бы умерла, хоть бы умерла... – не переставая шептала Надя. Потом её голос перешёл на крик.

– Я тебе сейчас дам, умерла, ты что, Надька, четвёртый раз рожает, а такое брешешь. Язык вырву. У меня ещё никто не умирал, – Алевтина ещё сильнее стала растирать и вдыхать воздух в маленький ротик. Может, Бог, а может, профессионализм доктора, но чудо случилось, девочка открыла сначала один глаз, потом рот и что было её младенческих сил закричала.

Алевтина Сергеевна вытерла ребёнка, завернула в больничную пелёнку и показала её маме.

– Вот умница, вот красавица, Надька, смотри, какая девчушка у тебя, даже глядит умно, а ты – «умерла». Дура ты набитая, разве ж можно так. Правда, чуть-чуть ещё синяя, но ничего, это на денёк, отойдёт. Смотри, какая девица. Ты чего плачешь-то?

Алевтина выглядела уставшей, но лицо сияло радостью – ребёночек выжил.

– Надя, да что с тобой? Не плакать надо, а радоваться. На, поддержи свою кроху, маленькая совсем, всего два девятьсот.

Надя медленно отвернулась и разрыдалась в подушку. Алевтина, присев на край кровати, погладила голову женщины и протянула малышку.

– На, возьми, только посмотри на неё, посмотри?

Надя, всхлипывая и размазывая слёзы рукой, ответила.

– Знаешь, Алевтина, а Володя мальчика ждёт. Мы ведь хотели сделать перерыв и пока не рожать, а тут на тебе – опять забеременела. Ты же знаешь, что у нас только Игорёк старший, а потом девчонки: Наташа и Татьяна. Он так хотел мальчика.

Надя повернулась, под глазами были синие круги от усталости. Она протянула руки и взяла ребёнка, прижала к себе, чмокнула в крохотную щёчку и ещё громче заплакала.

– Прости меня, моя девочка, прости свою мать неразумную. И ты, Алевтина, прости, что так про деточку говорила. Всклипнув, она ещё крепче прижала дочь к груди. Малышка будто приняла извинения – солидарно вместе с матерью заплакала. Алевтина Сергеевна, глядя на сладкую парочку, рассмеялась и протянула руки, чтобы забрать младенца.

– Давай сюда, страдалица, ох, если б не знала я тебя, Надька, дала бы уткой по башке. Всё, свидание окончено. Надо ещё процедуры ребятёнку твоему сделать. А ты давай, потихоньку в палату перебирайся. Сейчас Тоньку позову, она тебя отведёт.

Надя отдала затихшую малышку, которая тут же расплакалась, как будто поняла, что её отняли от мамы.

– Ладно, ладно, то молчит как партизан, то не угомонишь. Утром принесём тебя к твоей мамушке, а сейчас на процедуры. Алевтина Сергеевна забрала ребёнка и вышла из родовой.

Надя смотрела в потолок, ей совсем не хотелось вставать и на ватных ногах идти в палату. Здесь она не впервой и всегда одно и то же. Пахло йодом и хлоркой. Нынешние санитарки всё мыли с хлоркой, порой казалось, что и малышей тоже. Пелёнки и подгузники пропахли насквозь. Неожиданно для себя Надя развеселилась, она сначала улыбнулась, а потом прыснула громким раскатистым хохотом. Перемена настроения от рёва до истерического смеха – это похоже на нервный срыв. Медсестра Тоня, забежав в родовую, не могла понять, что случилось. Она мотала головой приговаривая.

– Что, что с Вами, тётя Надя?

Поняв, в чём дело, и зная только один способ остановить это, Тоня с силой отвесила Наде пощёчину, и, как будто боясь, что та встанет и даст сдачи, отпрыгнула в сторону. Из угла доносился её голосок.

– Хватит, тётя Надя, всё прошло, всё хорошо.

Щека горела, Надя схватилась за неё и из её огромных глаз потекли слёзы.

– Да что с Вами? – Тоня подошла и по-детски обняла женщину, та прижала девушку к себе как родную дочь.

– Всё хорошо, не переживай, Тонечка, я справлюсь, я всегда справлялась, просто бывают моменты, когда так хочется выговориться, а некому. Сёстры далеко, а дети ещё малы, чтоб им душу изливать. Хотя, что там изливать. В общем-то я счастливая, но бывает накатывает такая тоска. – Тоня понимающе кивала и крепче прижималась.

У девушки не было родителей, она подкидыш. Её нашли весной на остановке. Увидела странный двигающийся свёрток школьница, она ждала автобус и, услышав кряхтение, заглянула под лавку: на траве в грязных тряпках явно что-то было. Ей стало интересно. Присев на корточки, она протянула руку... Свёрток зашевелился, девочка отпрянула. Позже подошли

люди и обнаружили младенца. Ребёнку был примерно месяц отроду. Потом милиция, дом ребёнка и детдом. Тоня всегда хотела иметь семью, но чуда не случилось. Иногда к ним приезжали важные гости, они как на базаре выбирали себе ребёнка, однако девочку никто не взял. Так и прожила она в нём до пятнадцати лет, потом медучилище и районный родильный дом по распределению. Работа ей нравилась, очень любила детишек. Да и персонал, зная судьбу молоденькой медсестры, подкармливал и жалел её. Вот и тянулась она к хорошим, добрым людям, потому как мало встречались они ей. Надя для неё была что мать, и отношение к ней – уважительное.

– Тётъ Надь, давай я тебе помогу до палаты дойти, а потом чаю согрею и принесу. Меня Людмила Семёновна сегодня пряниками угостила, я с тобой поделюсь. Надя одобрительно посмотрела на девушку. Медсестра встала и начала помогать женщине осторожно спуститься с высокой кровати. Почему они были такие в родовой – никто не знает, но забираться и слезать даже здоровому человеку было трудно, а тут после родов.

– Давай, давай потихонечку, сейчас мы сначала одну ногу поставим, потом другую и пойдём. Держись за меня, тёть Надь, вот так, молодец, всё, пошли.

Они вышли из палаты и медленно побрели по коридору. Ноги плохо слушались. Что это с ними случилось? Никогда такого не было, как-то странно они гудят, и ломит. Да и вроде бы жар. Вот только этого не хватало, свалиться с температурой, надо ребёнка кормить, а тут на тебе. Надя заботилась, как всегда, не о себе, а о своём четвёртом ребёнке. Ей было стыдно, что она так плохо думала о малышке. Ведь она её кровинка, как же язык повернулся ей плохого желать. Но поздно, слово не воробей, назад не воротишь. Теперь, шаркая как бабка, ногами, она корила себя за это. В палате было тихо, шёл первый час ночи. Женщины после последнего кормления быстро затихали и старались поскорее уснуть, ведь в шесть утра принесут их ребятёшек. Тоня помогла лечь Наде на кровать и, поправляя одеяло, заметила её состояние. Она наклонилась к самому уху и прошептала:

– Да Вас всю трясёт, видимо, температура высокая, пойду Алевтине Сергеевне скажу.

– Ой не надо, Тонь, не надо, сейчас укурюсь потеплей, согреюсь, это после грелки со льдом скорее всего, так что не расстраивайся.

Медсестра отрицательно покачала головой и вышла из палаты. Надя никак не могла согреться, ноги и руки были холодными, в голове шумело, знобило не на шутку. Натянув тонкое одеяло на голову, закрыв глаза, постаралась унять озноб. Но это ей не удалось. От холода зубы застучали, кожа на всём теле покрылась пупырышками. Надя обняла себя покрепче, раньше ей это помогало, но только не сейчас.

В это время в процедурке закипал чайник. Тони не было, она пыталась найти Алевтину Сергеевну и рассказать про самочувствие роженицы. Врач сидела у себя в ординаторской и тоже собиралась попить кофе. В дверь постучали. Подняв чайник, Алевтина повернула голову и ответила:

– Входите, кто там?

– Это я, Тоня, – толкнув дверь, ответила медсестра.

– Ну что, как там наша мамаша? Уже в палате, всё нормально? – Она налила кипятка в кружку и бросила туда четыре кусочка сахара. – Ты будешь? Напою.

– Нет, я тоже поставила, у себя попою. Просто я хотела сказать, что у тёти Нади жар, и вообще она какая-то слишком слабая, я её еле довела до палаты. Может, укол поставить? – Тоня стояла посередине комнаты и переминалась с ноги на ногу.

Алевтина успела размешать сахар и сделать несколько глотков. Чай был горячий и обжигал губы.

– Ну, что ты мнёшься? Пойдём, посмотрим, что случилось.

Она поставила кружку и тяжело встала. Быстрым шагом зашагала по коридору. Тоня почти бежала за ней. Зайдя в палату, включать свет не стали, тихонько подошли... Женщина

наполовину лежала на кровати, ноги касались пола, руки распластались в разные стороны. Голова была закинута, а изо рта раздавался то ли стон, то ли шёпот. Быстрым движением врач схватила Надю за плечи и начала трясти.

– Надюха, дорогая, да ты что? Открой глаза, миленькая моя. Что ж вы за семья такая, то дочь при смерти, то мать без сознания. Надя приоткрыла глаза и тихо сказала:

– Аля, что-то худо мне, всё тело будто не моё, ноет, смотреть тяжело.

– Тоня, в реанимацию, пусть едут с каталкой, туда её отвезём. Надо капельницу поставить, горит вся, а завтра анализы с утра у неё возьми, а то сама не дойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.